

Чжу, вернувшись, поручил обработать добытых на охоте диких фазанов, а сам направился к Хуэю, который передавал скипетр Чу Жоюню. Увидев в руках Чу Жоюня уже готовые украшения и скипетр, он не смог сдержать улыбку восхищения.

Украшения, сделанные Чу Жоюнем, с первого взгляда пришлись ему по душе.

Скипетр, изготовленный Хуэем, также идеально смотрелся в руках Чу Жоюня.

— Ночь уже близко. Раз Хуэй уже сделал для Облака скипетр, пусть Облако пойдет со мной, чтобы произнести ритуальное песнопение.

«...» Произносить ритуальное песнопение? — Чу Жоюнь смутился.

Когда они захватывали Асу, жрец клана Ми тоже произносил ритуальное песнопение, но он ничего не понял. Неужели теперь ему придется учить что-то столь же непонятное?

Хуэй, узнав, что Чжу собирается научить Чу Жоюня ритуальному песнопению, решил не мешать им и продолжил заниматься изготовлением скипетра.

Чу Жоюнь, держа в одной руке скипетр, а в другой — украшения, последовал за Чжу в тихий уголок, где они уселись.

Только после того, как они удобно расположились, Чжу заговорил:

— Ритуальное песнопение сложное, но состоит всего из нескольких фраз. Просто повторяй за мной.

— Хорошо, — кивнул Чу Жоюнь, ощущая, будто снова оказался в университете, где преподаватель китайского языка ведет урок.

Как только Чжу начал произносить слова, Чу Жоюнь понял, что это действительно было нечто непонятное.

После того как Чжу закончил, он объяснил, что эти слова передавались из уст в уста на протяжении поколений, и их истинный смысл неизвестен. Главное — просто повторять их.

Подумав, Чу Жоюнь начал повторять за Чжу снова и снова.

Поскольку он не понимал смысла, ему пришлось долго тренироваться.

Только когда Е и другие зажгли факелы и подготовили все для церемонии посвящения в вожди, он наконец запомнил эти несколько фраз.

Чжу также рассказал ему, что для разных ритуалов существуют разные песнопения, и если в будущем будут проводиться другие церемонии, он научит его и их.

После того как Чу Жоюнь освоил песнопение, Чжу попросил его надеть одежду, которую он оставил в мешке из звериной шкуры.

На столь важную церемонию Чжу велел ему надеть пижаму? Чу Жоюнь почувствовал неловкость, но, увидев ожидающий взгляд Чжу, нашел темное место, снял кожаный наряд и надел шорты, пижаму, штаны и тапочки.

Когда он вышел из темноты в пижаме, Чжу буквально остолбенел. Его Облако выглядело

поистине божественно.

Одетый в то, чего он никогда раньше не видел, Чжу едва мог дышать, глядя на Чу Жоюня.

Этот священный наряд, скипетр в одной руке и украшения в другой, делали его более величественным, чем любого жреца, которого он когда-либо видел.

Чжу не мог оторвать взгляда от Чу Жоюня.

Чу Жоюнь, заметив ошеломленное выражение на лице Чжу, удивился.

Чжу, увидев, что Чу Жоюнь смотрит на него, поспешил прийти в себя и вместе с ним, держащим скипетр и украшения, направился к месту, где горели факелы.

Во время церемонии посвящения в вожди они обычно окружали место проведения ритуала горящими факелами, образуя круг, а остальные сидели за пределами круга, наблюдая за церемонией.

Перед тем как отправиться туда, Чжу объяснил ему все этапы церемонии, и теперь он четко помнил их.

Чжу первым вошел в круг, образованный факелами, и сел, скрестив ноги.

Чу Жоюнь же остался стоять в темноте за пределами круга, собираясь с духом перед тем, как сделать следующий шаг. Взяв скипетр, он медленно направился к Чжу.

Как только он появился в свете факелов, все, находившиеся за пределами круга, замерли, словно увидели божество, спустившееся с небес. Его серый наряд, который они никогда раньше не видели, развевался на ветру, а черные туфли, словно отполированные камни, сверкали в свете пламени.

Его легкие шаги, скипетр в руке и благочестивое выражение лица приковывали к себе взгляды.

Они замерли, словно увидели божество.

*

Чу Жоюнь, как и в тот раз, когда он впервые увидел жертвенный алтарь, ощущал, что предстоящий ритуал был невероятно священен.

С каждым шагом его сердце билось все быстрее, словно в ту дождливую ночь, когда он поднялся на алтарь.

Он смотрел вперед, на Чжу, сидящего со скрещенными ногами в свете факелов.

Чжу тоже смотрел на него. Его красивое лицо, ясные глаза казались слегка размытыми в свете пламени.

Мощные мышцы, выделявшиеся благодаря положению рук на ногах, слегка подрагивали при каждом вдохе.

Взгляд Чжу был серьезным, с оттенком нежности и чего-то невысказанного.

Чу Жоюнь продолжал смотреть на Чжу, делая шаг за шагом, пока не остановился на расстоянии метра от него.

Остановившись, он поднял скипетр над головой и начал медленно обходить Чжу.

Каждый шаг был медленнее предыдущего, так как Чжу объяснил, что шаги в ритуале отличаются от обычных — они должны быть равномерными и ритмичными. Чу Жоюнь тщательно следовал этим указаниям.

Он внимательно считал каждый шаг, пока не дошел до ста восьмого. Сделав глубокий вдох, он опустил взгляд на Чжу, который сидел спокойно, глядя вперед.

Вокруг царила тишина, лишь трепет пламени освещало это священное место.

Чу Жоюнь поднял скипетр и начал водить им в воздухе, рисуя древние узоры.

Закончив, он опустил скипетр и начал произносить ритуальное песнопение.

Особый тон песнопения разнесся в ночной тишине, и все, кто находился за пределами круга, замерли, наблюдая за двумя фигурами в свете факелов.

Они никогда не представляли, что церемония посвящения в вожди может быть столь торжественной и священной.

Они участвовали во многих таких церемониях, но впервые почувствовали, что ритуал может быть столь прекрасным.

И Чжу, лишенный волос и бороды в свете пламени, и Чу Жоюнь с его светлой кожей и развевающимся нарядом казались существами из другого мира.

Черты лица Чжу, его острый взгляд и решительный профиль в свете огня казались им незнакомыми, как будто они впервые увидели человека, которого так уважали.

Чу Жоюнь, одетый в священные одежды, с его светлой кожей, длинными ресницами и мягкой улыбкой, казался невероятно чистым и святым.

Таинственное песнопение, исходившее из его уст, делало ночь еще более спокойной.

Его чистый голос звучал, как небесная музыка, заставляя всех замолчать.

Они хотели бы слушать этот мягкий голос и смотреть на это святое лицо вечно.

Но песнопение закончилось, и они с сожалением поняли, что больше не смогут его услышать.

Даже Гань, который всегда был недоволен Чу Жоюнем, в этот момент не мог не признать, что он был самым красивым жрецом, которого он когда-либо видел, — таким чистым, мягким и, казалось, способным объять все.

Чу Жоюнь медленно закончил песнопение и, сделав несколько шагов, остановился перед Чжу, опустив взгляд. Чжу тоже смотрел на него.

Когда их взгляды встретились, оба почувствовали, как их сердца учащенно забились.

Для Чу Жоюня это был второй раз, когда его сердце так забилося при виде Чжу. Впервые это

произошло, когда он увидел знакомый профиль Чжу, а теперь это было неожиданное и необъяснимое чувство.

Он никогда раньше не испытывал такого волнения, словно сердце могло выпрыгнуть из груди.

Он продолжал смотреть на Чжу, но в столь священный момент не мог отвести взгляд или уклониться. Он поднял слегка дрожащие руки, развернул украшение и медленно надел его на шею Чжу.

Из-за близости их дыхание смешалось, а теплота и духота ночи усиливали его учащенное сердцебиение и внутреннее волнение.

Хотя время шло быстро, ему казалось, что прошла целая вечность, пока украшение не оказалось на месте. Он отодвинулся от Чжу, и в этот момент раздались радостные крики.

Чжу встал и, неожиданно взяв за руку еще взволнованного Чу Жоюня, громко объявил собравшимся:

— С этого дня я буду вести всех к лучшей жизни, и с этого момента наше племя будет называться Племенем Облака!

Чу Жоюнь с удивлением посмотрел на Чжу, который назвал племя в его честь.

Автор имеет сказать: Сегодня день вступительных экзаменов в вузы. Говоря об экзаменах, вспоминаю, как накануне своего экзамена пошел в книжный магазин за ежемесячным журналом данмэй, на который был подписан. Также вспомнил год в старшей школе, который я потратил впустую, читая романы...

<http://bllate.org/book/16900/1567162>